

В. А. Слугина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

slugina881@gmail.com

**КОНТИНГЕНТ СИБИРСКИХ ИНОЗЕМЦЕВ,
ПРИСЯГАВШИХ РОССИЙСКОМУ МОНАРХУ В XVII ВЕКЕ
(ПО ДАННЫМ ШЕРТОВАЛЬНЫХ КНИГ)**

Рассматривается проблема определения контингента иноземцев Сибири, приводимых к присяге (шертованию) на верность российскому монарху. Источниками для анализа стали шертовальные книги (учетные именные списки присягавших), а также делопроизводственные документы XVII в. Несмотря на отсутствие единообразия в составлении шертовальных книг, автору удалось установить, что на количество и статус приводимых к присяге иноземцев оказывало влияние место проведения процедуры. В русские остроги приглашали относительно небольшое количество человек, как правило, представителей родоплеменной элиты, в то время как шертование на местах было массовым и к присяге приводили рядовых ясачных людей. Сопоставление численности иноземцев с данными о числе ясачных людей, проживавших в Кетском, Кузнецком и Енисейском уездах, а также факты скрупулезной фиксации имен людей, отсутствующих при проведении церемонии, позволяют предположить, что со второй половины XVII в. русские стремились охватить шертованием все взрослое мужское ясачное население Сибири.

Ключевые слова: шертование, шертовальные книги, сибирские иноземцы, Сибирь, XVII век.

Присоединение Россией территории Сибири и проживавших на ней этносов осуществлялось как силовыми методами, так и путем конструирования новой системы властных отношений. Одним из методов установления в сознании аборигенов Сибири новой политической культуры подданства российскому царю стало шертование – специальная процедура присяги, включавшая в себя устное оглашение текста шертовальной записи (публично-частный акт, содержащий перечень статей, регламентирующих взаимодействие иноземцев с российской властью) и церемонию обряда, учитывающего нехристианское вероисповедание присягавшего. Суть процедуры заключалась в торжественном подтверждении перечня обязательств поддан-

ного по отношению к монарху и российской власти в целом [Слугина, 2015].

Несмотря на широкое распространение практики шертования в Сибири и частые упоминания фактов приведения иноземцев в подданство (см., например: [Сборник документов..., 1960. С. 9, 12–13, 17, 37; Колониальная политика..., 1936. С. 225, 229–231]), сведения о численности приводимых к шерти иноземцев и их социальном статусе почти не отражены в дошедших до нас источниках. Вследствие этого вопрос о контингенте приводимых к шертованию остается почти неизученным. Исключение составляют сюжеты шертования тюркских кочевников – енисейских киргизов и телеутов, которые рассмотрены в отечественной историогра-

фии достаточно подробно [Уманский, 1980. С. 77–102; Бутанаев, 2007. С. 205–211].

Проблема реконструкции численного и социального статуса иноземцев, охваченных шертованием, важна и потому, что без нее невозможно объяснить высокие темпы установления политического влияния российского монарха на нехристианские этносоциумы различных уровней социально-политической и экономической культуры.

Специальным источником, на основании которого можно делать выводы о полноте охвата шертованием народов Сибири, являются шертовальные (шертоприводные) книги – учетные документы, в которые по требованию центральной власти предписывалось вносить имена иноземцев, приведенных к присяге.

Первое известное нам упоминание о необходимости составления именных списков шертовавших содержится в отписке 1606 г. тобольского воеводы Романа Троекурова воеводе Кетского острога Владимиру Михайловичу Молчанову: «А как служивых и всяких людей к крестному целованью и ясашных людей к шерти приведешь, и ты б о том в Тоболеск отписал, а имянной список в Тоболеск тем людем прислал к нам с кем пригож с ненарочным ездоком» [Акты..., 1914. С. 66]. На протяжении XVII в. в ряде документов содержатся предписания вести шертовальные книги в уездах Сибири и отправлять их сначала в Тобольск, а затем в Сибирский приказ, в Москву¹. Учету подлежали как иноземцы, непосредственно прошедшие процедуру присяги в русских городах (как правило, их приглашали по случаю смены российского монарха, когда требовалось приводить православное население города к крестоцелованию, а иноземцев – к шерти), так и представители властных элит, находящиеся в своих улусах. В последнем случае на места отправлялись служилые люди, чтобы приводить к присяге ясашных людей и записывать их имена.

По тем или иным причинам до нашего времени дошли лишь единицы источников. Удалось обнаружить всего восемь шертовальных книг: шертовальные книги «якут-

ских князцов» 1641/1642 г.² и 1645 г.³; шертовальная книга Томского уезда 1646 г.⁴; именные книги Нарымского уезда 1646 г.⁵; шертовальные книги ряда волостей и улусов Томского, Кетского, Красноярского и Кузнецкого уездов 1676/1677 г.⁶; шертовальная книга Назымской и Кондинской волостей Тобольского уезда 1682 г.⁷; шертовальная книга ряда волостей Енисейского уезда 1683 г.⁸; шертовальная книга отдельных территорий Ленского разряда 1685/1686 г.⁹ За исключением шертовальной книги «якутских князцов» 1641/1642 г., обстоятельства появления которой, очевидно, были связаны с восстаниями 1642 г. (подробнее см.: [Иванов, 2009. С. 5]), остальные шертовальные книги составлялись в периоды перехода престола к новому монарху. Исходя из этого, в указанные шертовальные книги, вероятнее всего, попадали те, кто уже фактически находился в российском подданстве и был знаком с практикой шертования.

При составлении сибирскими воеводами и служилыми людьми шертовальных книг отсутствовало какое-либо единообразие. Так, не всегда указывались волость иноземца, его статус, отсутствовала информация о дате приведения к присяге¹⁰. С другой стороны, изучение списков иноземцев в шертовальных книгах позволяет говорить, что шертованием старались охватить не только ясашных людей и глав этносоциальных родов, а вообще всех взрослых и лично свободных мужчин¹¹.

В якутских шертовальных книгах 1641/1642 г.¹² и 1645 г.¹³ преимущественно фиксировались только князцы, их сыновья и братья, перечисленные по волостям. В сентябре 1641 г. – феврале 1642 г. (В. Н. Иванов

² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 1–7.

³ Там же. Д. 156 а. Л. 6 – 6 об.

⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 40 об. – 51.

⁵ Там же. Л. 64 об. – 69 об.

⁶ Там же. Кн. 605. Л. 163 – 295 об.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 293. Л. 5 – 52 об.

⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 817. Л. 84 – 137 об.

⁹ Там же. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1388. Л. 1–6.

¹⁰ См.: Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 40 об. – 51.

¹¹ Неизвестны случаи, чтобы к шерти приводили лично зависимых иноземцев (по русской терминологии – холопов). Такая практика повторяла ситуацию с крестоцелованием православного населения: из числа лиц, присягавших монарху, холопы исключались.

¹² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 1 – 7.

¹³ Там же. Д. 156 а. Л. 6 – 6 об.

¹ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204, 605; Оп. 3. Стб. 232; Оп. 5. Кн. 293; Ф. 1177. Оп. 4. Д. 156 а; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 154 об. – 156.

датировал шертование периодом с 8 сентября 1642 г. по 22 февраля 1643 г., см.: [Иванов, 1999. С. 95]), согласно шертовальной книге, индивидуально дали шерть 21 якутский князец, 21 родственник князцов (сыновья и братья), 10 улусных мужиков и один шаман, всего 53 чел., представлявшие 12 волостей¹⁴. Указанный в этой шертовальной книге перечень имен и волостей, однако, не претендует на полноту охвата шертованием. В ясачной книге сына боярского П. Ходырева за 1639/1640 г. в центральной Якутии указано 34 волости, а численность плательщиков ясака составляла 561 чел. [Долгих, 1960. С. 355].

В шертовальной книге Нарымского уезда 1646 г.¹⁵ списки формировались по волостям. Сначала перечислялись князцы, затем ясаулы, далее шли имена остяков без указания их статуса. Судя по численности зафиксированных имен (пятеро – семеро чел. от каждой волости¹⁶), в книгу записывали только князцов и «лучших людей». Само шертование, как следует из отписки, расположенной перед именованным списком, проходило в Нарымском остроге, поэтому приглашение немногочисленного представительства от ясачных остяков было вполне оправданным. Шертованием в остроге также отчасти может объясняться и отсутствие представителей от некоторых отдаленных волостей.

Немаловажной особенностью шертовальных книг является и то, что в них также попадали иноземцы, находившиеся на военной службе и не платившие ясак. В шертовальной книге Томского уезда 1646 г. отдельно выписаны имена 29 «чатцких татар», «которые живут без государева жалованья и государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси шертовали», и имена 42 томских татар, также находившихся на службе без выплаты жалования¹⁷.

Контингент тех, кого приводили к шерти и записывали в шертовальные книги, во многом зависел от обстоятельств шертования и места проведения присяги. В шертовальных книгах, составленных в связи со вступлением

на престол Федора Алексеевича в 1676 г., в список Томского уезда вошли князцы – представители нескольких волостей; а всего присягнули 185 чел.¹⁸ В Кетском уезде шертование проводилось в съезжей избе и длилось два дня (22 и 24 июня 1676 г.). Всего к шерти привели 12 чел., и дополнительно отмечено, что для присяги не явились 72 чел., так как они были «в посылках» и «на промыслах»¹⁹. Население Кетского уезда было относительно небольшим: по данным Б. О. Долгих, на 1670 г. плательщиков ясака было всего 93 чел. [1960. С. 92], поэтому неудивительно, что в шертовальной книге удалось поименно перечислить отсутствующих. В данном случае количество приведенных к шерти (12 чел.) и отсутствующих (72 чел.) – в сумме 84 чел. – очень близко к числу ясачных плательщиков (в 1670 г. – 93 чел.; в 1680 г. – 90 чел.), исходя из чего можно предположить, что в Кетском уезде к шерти приводили всех ясачных людей, а не только князцов.

В шертовальную книгу Красноярского уезда 1676 г. были включены красноярские служилые татары (21 чел.), ясачные татары Качинской подгородной земли (24 чел.), представители отдельных улусов (Кубанов, Татаров, Мунгатков, Татушев, Канбирев, Альшпаев) общей численностью 94 чел., также было 8 тубинцев и 16 иноземцев «разных землиц». В сопроводительном тексте также указано, что шертование проводили в съезжей избе Красноярска²⁰.

В том же году в Кузнецком уезде, население которого было преимущественно скотоводческим и кочевым, реализовывалась стратегия приведения к шерти «на местах», т. е. в улусах и волостях. В приказной избе Кузнецкого острога воевода г. В. Волков привел к шерти лишь семерых чел. (один из которых был выходцем из Алтырского улуса, один был аманатом; записи об остальных пятерых иноземцах не содержали информации о статусе и территориальной принадлежности). Шертование в волостях и улусах проводили отряды служилых людей в составе троих – четверых чел. В Алтысарский улус и Сагайскую волость посылали сына боярского, казака (писаря) и конного казака (толма-

¹⁴ Там же. Д. 51. Л. 1 – 7.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 64 об. – 69 об.

¹⁶ Документ обрывается, поэтому суммарное число иноземцев, приведенных к шерти в Нарымском уезде, подсчитать невозможно.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 40 об. – 51.

¹⁸ Там же. Кн. 605. Л. 163 – 169 об.

¹⁹ Там же. Л. 172 об. – 175.

²⁰ Там же. Л. 207 – 244 об.

ча) с указанием встретиться с конкретными киргизскими князьями, зачитать специально подготовленную в приказной избе шертовальную запись и дополнить ее текстом жалованного слова (декларация обязательств властей в отношении подданных). В отписке о проведении шертования указано, что киргизские князья и «лучшие люди» дали шерть за себя и подвластных им людей (всего 13 чел.); дополнительно отмечены те, кто не присутствовал на шерти, и по какой причине²¹.

Вероятно, в случае, если у отряда, отправляемого в волости, не было четкой установки на шертование определенного списка князцов и «лучших людей», к присяге приводили тех, кого смогли застать «на местах». Так, за всю Лепетскую волость дали шерть всего три «лучших человека», а в Сагайской волости приводили к присяге рядовых ясачных людей (62 чел.), отмечая, что некоторых сагайских ясачных людей к шерти не привели, так как они уехали, опасаясь войны с монгольским князем²². В Тогульскую, Азкыштымскую и Тагапскую волости и «к белым калмакам» также отправляли сына боярского, толмача и казака (писаря). Именные шертовальные книги ясачных людей указанных волостей²³ вполне коррелируют с численностью плательщиков ясака, выявленных Б. О. Долгих. В Тогульской волости к шерти привели 25 чел. (численность ясачных по данным на 1671 г. – 25 чел.); в Азкыштымской волости присягнуло 37 чел. (ясак платили в 1671 г. 30 чел., в 1681 г. – 40 чел.); в Тагапской волости ясачные люди, которые были у шерти, – 20 чел. (по данным 1671 г., ясак платили 23 чел. [Долгих, 1960. С. 106]). Из белых калмыков, не плативших регулярно ясак и часто откочевывающих и «изменявших», привели к шерти всего 10 чел. Аналогичные по составу отряды также отправляли и в другие волости Кузнецкого уезда²⁴.

Некоторые шертовальные книги, составленные в волостях, фиксировали иноземцев очень скрупулезно. В шертовальной книге волостей Енисейского уезда 1683 г. (лексический состав книги изучила Л. М. Городилова

[2003. С. 121–123]), составленной в связи со вступлением на престол Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, именной список приведенных к шерти тунгусов Рыбенской волости изложен в следующей типологии: указана волость, где проживают «тунгусы ясачные», затем следует имя «лучшего человека» и название рода. Отдельно указаны не платившие ясак дети «лучших людей» и подростки²⁵. В той же книге в списке остяков Касской, Сымской, и Натской волостей указаны «князцы остяцкие», а к именам подростков делались приписки: «подростки лет по дватцать и по пятнадцать ясаку не плачивали»; «подростки лет по пятнадцать»; «подростки лет по дватцать и больше», а в отношении стариков писали «за старости ясаку не платит»²⁶. В списки попадали и просто «ясачные тунгусы» и «ясачные остяки» без указания принадлежности к роду. В отношении бурят и тунгусов, относящихся к Балаганскому и Братскому острогам, применялся другой принцип учета: в перечне ясачных тунгусов Братского острога указывались название улуса, имя князца и общая формулировка «с своими улусными людьми / тунгусами»; а ясачные тунгусы Балаганского острога фиксировались по родам с фиксацией имени князца и общей формулировкой «с своими братцкими улусными людьми».

Шертовальную книгу Енисейского уезда 1683 г. для реконструкции численности родов тунгусов, их расселения по волостям Енисейского уезда и для сравнения численности присягавших остяков Кузнецкой, Сымско-Касской, Натской и Пумпукольской волостей с численностью ясачных плательщиков использовал Б. О. Долгих [1960. С. 197, 200–201]. По его подсчетам выходит, что численность остяков Енисейского уезда по спискам шертовальной книги 1683 г. подтверждается данными, содержащимися в ясачных книгах конца XVII в. по Енисейскому уезду [Там же. С. 191].

Еще одна шертовальная книга, составленная в 1682 г. по случаю вступления на престол Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича в Назымской и Кондинской волостях Тобольского уезда²⁷, также демонстрирует

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 250 – 256.

²² Там же. Л. 256.

²³ Там же. Л. 256 об. – 264.

²⁴ Там же. Л. 265 – 295 об.

²⁵ Там же. Кн. 817. Л. 84 – 103 об.

²⁶ Там же. Л. 133–136.

²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 293. Л. 1 – 3 об.

попытку русской власти охватить шертованием «всех до одного» человека. Согласно наказу тобольского воеводы, сыну боярскому Полуехту Сысоеву вместе с приказным подьячим Микитой Сумароцким следовало привести к шерти в волостях «ясашных людей и их детей, и братью, и племянников, и захребетников»²⁸. Шертовальная книга по этим волостям, тем не менее, составлена без указания статуса иноземцев (князец, захребетник, родственник и т. п.), однако именной перечень иноземцев довольно внушителен. Например, в росписи имен «Назымских волостей ясашным людям» 1682 г. выписано 331 имя приведенных к шерти. Для сравнения: плательщиков ясака в данной волости в 1679 г. было всего 97 чел., в 1691 – 89 чел.; в 1700 г. – 110 чел. [Долгих, 1960. С. 57].

Приведение к присяге такого большого числа иноземцев требовало значительных временных ресурсов как для того, чтобы добраться до мест проживания, так и для непосредственной записи обширного списка имен. В сопроводительной отписке к шертовальной книге «ясачных людей Ленского разряда» (реально в книге перечислены только иноземцы Якутского уезда) указано, что книга составлялась в течение двух лет (с 1684 по 1686 г.) сыном боярским Якутского острога Титом Богомоловым. Какого-то конкретного маршрута у Т. Богомолова, вероятно, не было. Список составлялся «по розных улусах и по зимовьям розных рек» и включал имена ясачных и неясачных иноземцев²⁹. Помимо фиксации волости / зимовья, названия сибирского народа и принадлежности к роду, в данной книге также приведены итоговые подсчеты числа приведенных к шерти по каждой волости³⁰. Если суммировать указанные в книге численные данные о присягнувших, то получится, что Т. Богомолов привел к шерти 506 иноземцев.

Выявленная по некоторым шертовальным книгам корреляция численности иноземцев со списками ясачных книг не случайна. Служилые люди могли как опираться на ясачные книги, для выявления списка тех, кого необходимо привести к шерти, так и наоборот, проводя шертование – фиксировать имена не

в шертовальных, а в ясачных книгах [Сборник документов..., 1960. С. 110].

Аналогичных шертовальных книг по другим сибирским уездам пока выявить не удалось. Но мы осмелимся утверждать, что отмеченная нами по пяти уездам (Томскому, Кетскому, Красноярскому, Кузнецкому и Енисейскому) тенденция к поголовному шертованию иноземцев в XVII в., скорее всего, охватывала большинство сибирских этнотерриториальных групп. Стремление русской власти к максимальному учету также подтверждается фактом ведения списков иноземцев, не присутствующих при шертовании. К примеру, согласно отписке тобольского воеводы, в ноябре 1645 г. из числа проживавших в Тобольске дали шерть 152 служилых татарина, 114 захребетных татарина и 25 бухарцев; не дали шерть по разным причинам 90 служилых, 111 захребетных татар, 23 бухарца и 57 ясачных остяков³¹. В Нарыме в 1646 г. воевода привел к шерти 59 «нарымских ясашных князцев и ясаулов и из волостей лутчих ясашных людей», указав в своей отписке, что еще девять чел. остались не шертованными³². Информация об отсутствующих при шертовании (либо точная, либо весьма приблизительная) содержится и в шертовальных книгах Томского, Кетского, Красноярского и Кузнецкого уездов за 1676 г.³³

В целом на протяжении XVII в. явно прослеживается стремление русской власти установить прямые и личные обязательства каждого ясачного и служилого человека из числа сибирских иноземцев в отношении российского монарха. И, судя по сохранившимся шертовальным книгам и другим делопроизводственным документам, это стремление воплощалось на практике. Однако весьма ограниченный (и территориально, и хронологически) круг источников не позволяет определить, насколько полным был охват иноземцев поголовным шертованием. Мы можем только предположить, что этот охват зависел от степени их доступности. Скорее всего значительная часть тех, кто проживал вдали от русских административных центров, а тем более постоянно кочевал в степях,

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1388. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 1–6.

³¹ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 164–165.

³² Там же. Оп. 1. Кн. 204. Л. 64 об. – 69.

³³ Там же. Кн. 605. Л. 163 – 295 об.

тайге или тундре, оставались не охваченными присягой. В лучшем случае их могли приводить к шерти во время сбора ясака, но прямых либо косвенных свидетельств этому пока не обнаружено. Подробная (численная и поименная) фиксация имен отсутствующих на церемонии шертования иноземцев свидетельствует о том, что как минимум со второй половины XVII в. сибирская администрация стремилась охватить шертованием максимальное число людей.

Список литературы

Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 295 с.

Городилова Л. М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии. Хабаровск, 2003. 261 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.

Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 197 с.

Иванов В. Н. Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2. С. 3–6.

Слугина В. А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 58–65.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Список источников

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая и 17 июля 1610 г.). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. 421 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 280 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.

Материал поступил в редколлегия 29.05.2017

V. A. Slugina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

slugina881@gmail.com

Siberian foreigners' population swearing allegiance to Russian monarch in the 17th century (according to the data of shert books)

The article is devoted to the problem of evaluating numerical and social composition of Siberian foreigners involved in the procedure of the oath of allegiance to the Russian tsar called «shertovanie». The swearing procedure consisted of two elements: oral announcement of the text of oath fixing the obligations of the sworn to the Russian monarch (called «shert letter») and a ritual ceremony with the use of non-Christian elements of beliefs professed by Siberian foreigners. In the 17th century, «shertovanie» was an important instrument of strengthening Russian political power in the minds of Siberian population.

The subject of the study is documents of management and record keeping and archival documents – «shert books» (lists of names compiled by Russian authorities), which have been found in the Russian State Archive of Ancient Acts and also in the archive of St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences. Basing on these sources, the author concludes that the number and

social status of swearing foreigners depended on reasons for swearing in as well as on the place where the procedure was held. The author deduces that Russian governors invited a small number of representatives of the tribal clans of Siberia foreigners to Russian cities, while service people who were sent to the district detachments sought to bring to an oath as many people as possible, despite their status.

Comparison of data on the Ketsky, Kuznetsky and Yeniseykoi districts, performed by the author, shows that the number of those who swore to Russian tsar is almost equal to number of yasak payers in the area. Also, in the shert books the names of those who were absent during the procedure of the oath have been recorded. Such evidences allows the author to put forward a hypothesis that swearing (shertovanie) was very important, and from the second half of the 17th century, the Russian authorities tried to cover with the oath all adult male population of Siberia.

Keywords: shert, oath of allegiance, Siberian peoples, Siberia, 17th century.

References

Butanaev V. Ya. *Istoriya vkhozheniya Hakasii (Hongoraya) v sostav Rossii* [The History of Incorporation of Khakassia (Khongoraya) into Russia]. Abakan, Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova, 2007, 295 p. (In Russ.)

Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Dynastic and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 624 p. (In Russ.)

Gorodilova L. M. *Delovaya pis'mennost' Prieniseiskoi Sibiri XVII veka kak istochnik regional'noi istoricheskoi leksikografii* [Documentary Writing of the 17th Century of the Prieniseysk Siberia as a Source of Regional Historical Lexicography]. Khabarovsk, 2003, 261 p. (In Russ.)

Ivanov V. N. Prinyatie rossiiskogo poddanstva narodami Yakutii v XVII veke [The adoption of Russian citizenship by the peoples of Yakutia in the 17th century]. *Yakutskii arkhiv* [Yakut Archive], 2009, no. 2. p. 3–6. (In Russ.)

Ivanov V. N. *Vkhozhenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva* [Incorporation of the North-East Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 197 p. (In Russ.)

Slugina V. A. Shertoprivodnye zapisi kak instrument oformleniya poddanstva sibirskikh narodov rossiiskomu gosudaryu v XVII veke [Shert letters as an instrument of registration of citizenship of Siberian peoples to the Russian sovereign in the 17th century]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, iss. 1. History, p. 58–65. (In Russ.)

Umansky A. P. *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th – 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.)

Sources

Akty vremeni pravleniya tsarya Vasiliya Shuiskogo (1606 god, 19 maya i 17 iyulya 1610 goda) [Acts of the Time of the Reign of Tsar Vasily Shuisky (1606, May 19 and July 17, 1610)]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1914, 421 p. (In Russ.)

Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII veka [The Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia in the 17th Century]. Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR imeni P. G. Smidovicha, 1936, 280 p. (In Russ.)

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek [Collection of Documents on the History of Buryatia. The 17th Century]. Ulan-Ude, 1960, iss. 1, 493 p. (In Russ.)